

оклунок белой муки, что подсовывает местный куркуль и деревенский пророк дед Кастратей: рубаха обладает в его глазах невещественной ценностью, она олицетворяет предчувствуемую им скорбную чистоту будущей жизни. «Теперь на всю жизнь – совесть наружу», – загадывает о нем Кастратей.

И в творчестве Михаила Еськова этим зеркалом-совестью люди просвещены и проверены на степень духовного изъятия и на готовность нести ответственность за другого человека. Отцвет черной рубахи в его будто приглушенных в цветовой гамме произведениях накладывается на изображаемую художником жизнь, в которой много лишений и страданий, но которая не может стать ни легче, ни приятнее, если забыть о ближнем. Не позволяет забыть его прямое видение жизни, как труда возрастания души, требующей соразмерять поступки и слова по высшему счету.

...Нынешнее лукавое время собирает свою дань. Игра вместо бытия, гаданья вместо знания. К своим недостаткам люди стали причислять излишнюю отзывчивость, совестьливость, чувствительность – те качества, которые отличают человека от зверя. Никто уже не может снять фильм, над которым, как прежде, плакали и смеялись бы миллионы, – такие фильмы сегодня научились лишь раскрашивать. Никто не возглашает великих целей, как, например, электрификация всей страны – теперь государственной проблемой становится замена одного сорта лампочек на другой.

В противовес бесстыдной театрализации сегодняшней жизни в мире Михаила Еськова проживают жизнь подлинную. Когда там, в бучилах скарденной деревенской нищеты, колхозный управляющий в наказание за сбор колосков на пожатом поле срезает единственную пуговицу со штанов подростка – это для него настоящая трагедия. Как и испорченные новенькие веревочные лапти, только что сплетенные старшим братом. Тезка рассказчика из рассказа «Москвич Мишка» предлагает подумать о чем-нибудь хорошем, но: «...как выглядит это хорошее, представить ничего не мог».

В мире Михаила Еськова много болеют. Болезнь и смерть ходят рядом. Невольность случая или легкомысленная неосторожность ставят человека на порог инобытия и тем скорее служат просветлению сознания, заставляя его проверять прожитое на предмет соответствия запросам совести и оценивать жизнь как нравственный урок. В каждом рассказе или повести кто-то опускается в паморочную муть, часто зависает на грани жизни и смерти. И «терпящий», раз в полгода умирающий Петька из рассказа «Петька вернулся!», и страждущая духом Евдокия Надёжкина из повести «Сеанс гипноза», которую нужно вылечить словом – они все ждут от людей сострадания и любви. Михаил Николаевич Еськов, сам бывший врач, признавался, что никогда в своей лечебной практике не мог пройти мимо страдающего человека и до последней минуты искал единственное, то самое исцеляющее лекарство.

В этой, во многом итоговой книге, которую читатель взял в руки, Михаил Еськов пытается срастить концы, протянуть ниточку сострадания от дня отошедшего, от той раненой яблони в саду (рассказ «Старая яблоня с осколком») из военного детства, поверх вселенского болота за околицей – к двуликой современности, в которой люди захотели зажить отдельно от своей души. Как